

Хождение игумена Даниила в Святую Землю

Подготовила учащаяся: Митрофанова Е.А.
Группа РЛ-18-1

К XI веку относится замечательное произведение древнерусской литературы – «Хождение игумена Даниила в Святую землю». Странничество по святым местам в те времена было сильно развито, предки наши очень любили рассказы странников, описания их путешествий. «Хождение» игумена Даниила, т. е. описание его путешествия в Иерусалим, было, по-видимому, очень популярно, так как дошло до нас в большом количестве списков.

В некоторых списках оно называется «Паломником Даниила мниха». Паломниками называли странников, ходивших в Святую землю и приносивших с собой на память пальмовые ветки, с которыми они стояли в церкви в день праздника Входа Господня в Иерусалим. Отсюда слово «паломник». В других списках «Хождение» называется «Житием» игумена Даниила, которого некоторые люди считали святым. Даниил пишет, что совершил свое путешествие в княжение великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Мудрого.

Почти ничего не рассказывает он о самом путешествии; упоминает только о том, что имеет какое-нибудь отношение к религии; так, например, он рассказывает, что на острове Кипре, мимо которого он плыл, собирают с деревьев особенно душистый ладан; Даниил высказывает мнение, что это должно быть – «роса ангельская». Он не интересуется успехом борьбы крестоносцев за святые места, хотя и упоминает, что путь к Тивериадскому морю и к горе Фавор он прошел, с разрешения князя Балдвина, с крестоносным войском, так как путь этот для странников опасен.

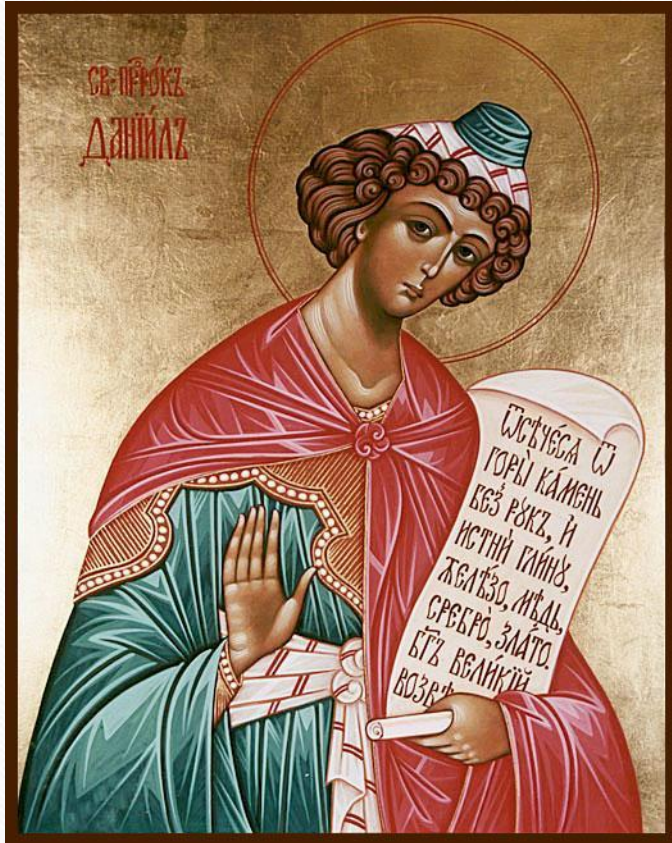

Ничто не отвлекает «игумена русской земли», как он себя называет, от главной цели его труда, состоящей в том, чтобы описать свое паломничество для тех людей, которые не имеют возможности, как он, на самом деле побывать у Гроба Господня в святой земле. «Буди же всем, говорит он, почитающим писание се с верою и любовью, благословение от Бога и от Святого Гроба Господня и от всех мест сих святых; примет бо мзду (награду) равну с ходившими до святого града Иерусалима и видевшими места си святые вся. Блаженни бо видевшие и веровавшие; треблаженни не видевшие – вероваша».

Даниил совершил свое паломничество, как он говорит, с целой «дружиной»; своих спутников он поименно перечисляет, говоря, что они все свидетели тому, что он рассказывает. С волнением описывает Даниил приближение к Иерусалиму: город долго скрыт от глаз горами, и вдруг с одного холма открывается вид на весь Иерусалим: «ту же есть гора равна у пути Иерусалима, яко версты одной вдале, и на той горе сседают люди с коней, и пеши ходят вси люди и поклоняются христиане святому Воскресению, и бывает радость велика всякому христианину, увидевшему святыи град Иерусалим; никто бо может не прослезитися, видевше землю желанную и места святая, идеже Христос Бог наш нашего ради спасения походи; и идут вси пеши с радостию великою ко граду Иерусалиму».

Даниил пробыл в Святой Земле два года, обошел ее всю и подробно описывает, что он видел. Описывая Иордан, он говорит, что вода его мутна и желта, но на вкус так приятна, что никак не напьешься. Он был на Иордане в самый день праздника Крещения Господня, описывает, как множество народа со свечами стоят на берегу и как, когда священники погрузят крест в воду и пропоют «Во Иордане крешающуся Тебе, Господи», люди начинают бросаться в воду, в которой Сам Христос крестился от Иоанна Крестителя, и в сердце всякого человека бывает радость.

Описывая Голгофу, Даниил говорит, что на месте, где стоял Крест Господень, в земле образовалась трещина, сквозь которую Кровь Христова проникла и пролилась на главу Адама, похороненного на этом самом месте. Здесь Даниил в буквальном смысле понимает символическое учение о том, что Кровь Христова омывает первый грех Адама.

Самое интересное в «Хождении» – рассказ о «Свете святом», о чуде, которое ежегодно происходит перед праздником Пасхи у Гроба Господня. Каждый год во время службы в Великую Субботу бесчисленное множество людей собираются к храму Воскресения Христова. В этом храме над Гробом Господним и во всех храмах города бывают потушены огни лампад и свечей. Вход в Гроб Господень не только закрыт, но и запечатан. У дверей Гроба Господня ставят даже стражу, чтобы никто не мог туда проникнуть. Во время богослужения невидимо и чудесно сходит Свет Святой и зажигаются лампы над Гробом Господним.

Тогда раскрывают дверь Гроба; первым обычно входит туда патриарх, зажигает свою свечу от Святого Света и выходит с нею ко всем людям, которые ждут с незажженными свечами и с радостью уносят этот чудесный огонь в свои церкви.

Игумен Даниил был свидетелем этого чуда и так его описывает. В Великую Пятницу он пошел к князю Балдуину и попросил у него разрешения поставить свою лампаду («кандило») у Гроба Господня. Балдуин принял Даниила ласково, «бъше (Балдуин) муж благ и смирен и не гордит ни мало», и дал ему разрешение.

Купив на торгу большую стеклянную лампаду и наполнив ее чистым деревянным маслом, игумен Даниил пришел в храм Воскресения Христова и с разрешения эконома и ключаря, сказавших ему, чтобы он снял обувь из уважения к святому месту, вошел в самый Гроб Господен и поставил свое «кандило» со страхом и трепетом в ногах Гроба, т. е. на том месте, «идеже лежаста пречистеи нозе Господа нашего Иисуса Христа». Ставил он эту лампаду с чувством, что приносит ее за всю землю русскую, как представитель всех русских людей.

В Иерусалиме Даниил остановился в православном монастыре (подворье) Святого Саввы. И вот, в Великую Субботу он вместе с игуменом монастыря св. Саввы пошел к князю Балдвину и вместе с ним направился к храму Воскресения Христова. Видно, с каким почтением принял Балдуин русского игумена: он, «Балдуин, шел с игуменом св. Саввы и игуменом Даниилом, а «дружине» своей велел идти сзади.

К службе собралось такое великое множество народу, что все поместиться в храме не могли, а стояли в бесчисленном множестве кругом храма. Очень ярко передает Даниил настроение этих толп народа, ожидавших с трепетом и благоговением появления Света Святого и молившихся со слезами: «неужели ради моих грехов не сойдет Свет Святой?»

Началась вечерня Великой Субботы. Во время чтения паремий дважды епископ с дьяконами подходили к дверям Гроба Господня, надеясь сквозь щели дверей увидеть свет, но света не было. Храм Воскресения, как многие храмы на востоке, был только на половину покрыт крышею. Во время пения «Господеви поем» набежала тучка, пошел дождь и смочил слегка людей, стоявших в церкви. И вот в это самое время, внезапно засиял святой Свет в Гробе Господнем. И тогда епископ с четырьмя дьяконами вошел в Гроб Господен, зажег свою свечу о чудесно загоревшиеся лампы и вынес народу святой Свет.

Даниил подчеркивает, что неверно говорят те люди, которые рассказывают, что Свет сходит в виде молнии, – или, что голубем спускается Дух Святой; «то есть лжа, – говорит игумен Даниил, – ничтоже бо есть тогда видети, ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходит благодать Божия». – «Свет же Святый не тако, яко огонь землений, но чудно инако светится, – несказанно». И нельзя передать той радости, которую испытывают люди, видевшие это чудо.

«Кандило» игумена Даниила вместе с другими лампадами – греческими и монастыря св. Саввы – загорелись. А «фряжские» – латинские лампы, висевшие над Гробом, не загорелись. Упоминает об этом Даниил просто, как о факте, без всякой вражды к латинской, т. е. католической вере. Наоборот, в другом месте своего «Хождения» он описывает посещение горы Фавор, на которой стоит католический монастырь; у игумена этого монастыря Даниил принял благословенье.

Пробыв в Святой земле около двух лет, Даниил отслужил 90 литургий: 40 за умерших и 50 за живых. Молился он за князей русских, за княгинь, за их детей, за епископов, игуменов, бояр, детей своих духовных и за всех христиан. Радостно говорит, что имена русских князей он записал на поминовение в монастыре св. Саввы, так что и после его ухода на ектеньях имена их будут поминаться.

Любовь к своей земле, России, глубокое национальное чувство единства русской земли чувствуется во всем повествовании игумена Даниила.

Скромно говорит он, называя себя «недостойным игуменом русской земли», что совершил он свое паломничество «во всякой слабости и лености, пья и едя», – побуждаемый одной мыслью, одним желанием – увидеть святые места. Скромность его и простота придают еще большую ценность этому замечательному произведению.